

Доказательство, колико над страстьми своими владел монарх

Когда начат делаться большой Ладожский канал, то монарх, нередко приезжая сам для надзирания за работами оного, обыкновенно останавливался в Старой Ладоге у знакомого им тамошнего купца Барсукова, которого за расторопность более еще любя и удостоя его называть братом, поручил в особое его надзирание одну дистанцию канальной работы и по его же выбору переселение купцов из Старой в Новую Ладогу.

Снисходительнейший государь, имея в доме сего Барсукова для приезда своего особую комнату, всякий раз, когда случалось ему приезжать в сию квартиру свою ночью, останавливаясь у ворот, приказывал наведываться, не спит ли хозяин, и, буде спал, то вхаживал во двор сколько возможно тише, дабы не разбудить его, и Барсуков не прежде узнавал прибытие императора, как уже поутру. Когда же он приносил пред его величеством в том, что не встретил его, извинение, тогда отвечал на оное великодушный государь: «Я не люблю, когда меня кто разбудит, так должен судить по себе, что неприятно, когда кто разбудит и другого, — так зачем же мне без нужды беспокоить тебя?»

Купец сей имел жену молодую красавицу, веселого и живого свойства, и не меньше умную, как и добродетельную; а таковые

достоинства и не могли не полюбить монарху, истинному ценителю дарований. Сия красавица умела притом угождать ему и своей стряпни кушаньем, а паче щами. Частое же его посещение дому их, милостивое и бесчиновное его с ними обращение оживляли более еще приятности красавицы смелыми и вольными ее поступками, смешанными с разумными шутками, и монарх, удостоя мужа названия братом, называл и ее невесткою.

В один из сих приездов его величества к ним не было хозяина в доме, и государь, поелику случилось оное в глубокую полночь, прошел без шума же в свою комнату. Хозяйка, узнав о прибытии монаршем поутру, пришла к нему, когда не было еще у него никого, и, поздравя его с прибытием, спрашивала: что угодно ему приказать приготовить кушать?

Великий государь, разговаривая с нею с удовольствием наедине, или хотел испытать добродетель ея, или в самом деле пленяся ея приятностями, сделал ей любовное предложение. Но он удивился, когда красавица сия, вдруг переменя приятный и веселый вид в суровый, с грубостию отвергла предложение его, сказав, что она никак не воображала, чтоб государь, который должен собою подавать пример добродетели подданным, мог сделать толь порочное предложение. «Разве потому, — примолвила она, — назвали вы мужа моего братом, чтоб отнять честь у жены его?».

Монарх, пораженный толикою добродетелию купеческой сей жены, оправяся, так сказать, сказал ей: «Спасибо, невестка, что ты такова; я хотел только испытать твою добродетель и честность и с удовольствием вижу, что не обманулся в тебе. Я хвалю тебя за то и более еще любить обоих вас буду». И действительно от сего времени великий государь обращался с нею с особенною ласкою и с некоторым родом почтения.

Если в самом деле монарх почувствовал к ней страсть, то коль редкая есть добродетель в самодержце и человеке, толикое господствование над страстями своими!

Генрих IV, великий же впрочем государь, столько побежден был страстию сею, что хотя и чувствовал, что она вредила славе его, не мог однако же противиться оной. «Робость, трусливость и самая лживость и обман (говорит история о нем) сделались известными ему с тех пор, как предался он любострастию. Я часто примечал (придает к сему герцог Сюлли), что он обманывал меня ложными уверениями тогда, когда ничто не заставляло его открываться мне в истине; а наконец доходил он даже до бесстыдства, обращая прервать цепь свою, как в то же время внутренне клялся не только никогда не разрывать оков сих, но теснее еще связываться ими».

Читатель, к описанию сему прибавя другую порочнейшую еще страсть сего короля к игре, породившей многие в Париже игрецкие дома и мотовство, может сделать заключение, в рассуждении сравнения его с ироем нашим.